

ПОД ЗАВЕСОЮ САНСКРИТА СКУНСА ЛОГОВО СОКРЫТО

Ну знает г-н А. Игнатъев санскрит – и хорошо. А я не знаю. И мои отрывочные, поверхностные сведения об этом языке не дают мне никакого права выискивать ошибки в переводах г-на Игнатъева – это было бы наглостью с моей стороны, хотя, после ознакомления с методом аргументации этого санскритолога, интуиция подсказывает мне, что они непременно должны быть и там. Если уж человек склонен подменять чужие мысли их собственным извращенным пониманием, то что ему стоит проделать тот же фокус с санскритскими текстами – мало шансов, что тебя поймут за руку.

Г-н Игнатъев пишет о метаморфозах «новых правых». Начнем с того, что подобного идейно-политического течения не существует в природе: есть ярлык, придуманный журналистами по аналогии с «новыми левыми» для обозначения явления, суть которого была, разумеется, выше их понимания.

Зато г-н Игнатъев понял. После наблюдений, очевидно, с какой-то вздымающейся до небес вышки, он убедился, что эти люди «представляют собой на самом деле скорее взбесившихся либералов и демократов, наподобие якобинцев, воинствующих апологетов существующего порядка». Одна эта фраза заставляет усомниться в способности г-на Игнатъева вообще что-либо понимать.

Когда в буржуазной прессе начались вопли о «новых правых», спустя десять лет после возникновения этого «неопознанного направления», г-н Ален де Бенуа, который тогда был его главным идеологом, счел нужным сам обрисовать позиции, на которых оно стоит, в противовес карикатурам, набросанным чужой и к тому же неумелой рукой.

Во-первых, почему «правые»? Г-н Бенуа уже тогда считал возможным в определенной политической ситуации переход с правых позиций на левые; уже тогда в основу теории «метapolитики» были положены работы итальянского коммуниста А. Грамши, а не какого-нибудь консервативного зубра. Позже очень многие говорили о необходимости преодоления этой устаревшей дихотомии, деления на левых и правых. Умные люди понимали эту необходимость и раньше. Например, Хосе Антонио Примо де Ривера постоянно подчеркивал, что Испанская Фаланга – не правая и не левая партия.

Группа интеллектуалов во главе с Аленом де Бенуа занялась разработкой мировоззрения, диаметрально противоположного идеям эпохи Просвещения с их

универсализмом, откуда и вырос современный глобализм. Все люди равны, никакой разницы между ними нет. В этом плане ни христианство, ни ислам ничем не отличаются от Просвещения и не могут противостоять ему в качестве альтернативы. Это лишь разные варианты всемирной уравниловки, маршировки в одном строю, только в разных униформах.

Универсализму противопоставлялось право на сохранение различий, того, что беспощадно истребляется всеми универсалистскими идеологиями, называйся они христианством, исламом, коммунизмом или еще как-нибудь. Еретиков – жечь, уклонистов – в лагерь, шаг в сторону считается за побег. За право на сохранение различий приходится сражаться, это именно то, за что мы сражаемся, как говорит [Г. Фай](#). Западный термин «идентичность» у нас часто не переводят, говорят о борьбе за «идентичность», хотя более правильно определить цели рассматриваемого движения как борьбу за сохранение самобытности наций и за право личности на собственное мнение.

«Апологеты существующего порядка», люди, одержимые «желанием спасти буржуазный мир от закономерного краха»? О ком это Вы, г-н Игнатъев? В мире каких галлюцинаций Вы живете? В каких небесах витаете?

Г-н Фай в своей книге, в которой Вы явно не увидели ничего, кроме фиги, часто цитирует г-на Виалю, на которого он, как и многие другие, ориентируется как на вождя. Возьмем один из последних номеров выпускаемого г-ном Виалем журнала «Терр э Пёпл» – №.38 за 2008 год. На его обложке огромными буквами начертано: «Капитализм? Нет, спасибо!» Капитализму противопоставляется «Третий путь». Авторитетами для П. Виали являются подлинники французские социалисты, наследники Прудона и Бланки, парижские коммунары, Морис Баррес, который еще в 1898 году выступал на выборах как «национал-социалист», Жорж Сорель. Представительницей Третьего пути П. Виаль называет также Испанскую Фалангу и в этом он не отступает от исторической истины: Хосе Антонио считал непременным условием национальной революции уничтожение капиталистической системы.

Где же здесь «апологеты существующего порядка, буржуазного мира»? Уж скорее ими являлись такие любезные сердцу г-на Игнатъева фигуры, как масон Жозеф де Местр и предтеча евразийства Константин Леонтьев. Г-н Игнатъев ставит им в заслугу, что они «не плакались о несчастной судьбе народа». Да, аристократическую сволочь судьба народа не беспокоила, зато о ней плакались лучшие представители аристократии, такие как граф Монталамбер, который в эпоху июльской монархии во Франции выступал в защиту рабочих и громил буржуазный строй или тот же Хосе Антонио, который клеймил привилегирован-

ные сословия за то, что они держатся за свои привилегии, в то время как миллионы испанцев голодают.

Г-ну Игнатьеву не нравится, что главной ценностью провозглашается некая людская масса (народ, раса), «что вполне типично для идеологий буржуазной эпохи и чуждо консервативным мыслителям былых времен», таким, как К. Леонтьев, которому было наплевать на «кровь». Средневековые рыцари, которых г-н Игнатьев знает, очевидно, по тем романам, которые читал дон Кихот, сражались за Короля и за Даму, но никак за «нацию» или «расу». Интересно, за какую Даму сражались рыцари, устраивая еврейские погромы по всему Рейну в порядке тренировки перед крестовыми походами? Знает ли г-н Игнатьев, какое значение придавали, например, испанские дворяне чистоте своей крови, т.е. расе? Известно ли ему, что в Испании в XV веке прошел чуть ли не общенациональный диспут на тему: «Может ли крещеный еврей стать испанцем?» и был сделан вывод, что нет, не может. Для этого «традиционного общества» кровь значила многое, в отличие от Леонтьева, человека смешанных кровей, судя по его идеологии.

Г-на Игнатьева, видите ли, тошнит, от призывов Фая «служить народу». Настоящий аристократ, по его мнению, за такие речи велел бы отправить Фая на конюшню. Не знаю, происходит ли сам г-н Игнатьев из каких-нибудь недорезанных, к сожалению, графьев Игнатьевых, но вот настоящий аристократ, Хосе Антонио Примо де Ривера, призывал именно к этому: к служению народу. На конюшню его, а, ваше михалковоподобное сиятельство, г-н Игнатьев?

Г-н Игнатьев с садистским наслаждением цитирует антинародные вирши Бертрана де Борна, которые мы все, конечно, знаем. Но вот у меня в руках «История французской литературы» профессора Парижского университета Гюстава Лансона, 1912 года, 12-е издание – огромный фолиант, более тысячи страниц. В нем нет ни слова о Бертране де Борне, он вычеркнут из истории французской литературы за то, что писал пакости о народе. Такой же судьбы, кстати, заслуживает и отвратительная повесть М. Булгакова «Собачье сердце» за ярко выраженное в ней гнусное барское презрение к людям из простого народа.

Еще дедушка Крылов предупреждал, что сапожнику не следовало бы заниматься печением пирогов, но сапожники упорно не желают следовать этому доброму совету. Г-ну Игнатьеву мало его санскрита, он лезет еще и в расологию. К сожалению, в ней хватает и своих «сапожников», что провоцирует подобные вылазки. Им можно, а я чем хуже?

«Белый мир» – не более чем красивая литературная фраза, вроде «настоящих арийцев» в Германии известной эпохи. Никакой «белой расы» не существует,

это фикция – так утверждали классики расологии, Ойген Фишер и Ганс Ф.К. Гюнтер. Это специально делалось для того, чтобы какой-нибудь Игнатъев не смешивал испанцев с марокканцами в рамках мифической «индо-средиземноморской» расы. Испанцы, действительно, принадлежат, большей частью, к средиземноморской расе, а марокканцы – к другой (точнее, к другим). Для Игнатъева и те, и другие – белые, но «белых вообще» не существует.

С сербами и албанцами вопрос другой. Раса там, действительно, одна, но в дело вступает религиозный фактор. Игнатъев клеймит «истеричную исламофобию», но, независимо от чьих бы то ни было истерик, ислам остается «религией пустыни», глубоко чуждой по своему духу европейским народам индоевропейского происхождения. Переход в ислам отдельных лиц, вроде Р. Генона или К. Мутти, или целых народов, вроде албанцев, представляет собой акт ренегатства, измены европейской цивилизации, а это не только христианский Запад, но и индуистская Индия.

Г-н Игнатъев рассчитывает на невежд и недоумков, когда разглагольствует о том, что «протестантизм, исповедуемый, прежде всего, народами Северной Европы (наиболее нордическими), как раз представляет собой вариант христианства, максимально очищенный от всего «языческого», и в этом плане он гораздо ближе к «тоталитаризму пустыни». Игнатъев мажет протестантизм одним миром, не проводя различий между лютеранством, религией нордических народов Северной Европы, и кальвинизмом, религией, основатель которой «изо всех сил старался вернуть мир к гнусным временам Иисуса Навина и Судей израильских» (А. Франс. Восстание ангелов).

По словам г-на Игнатъева, Г. Фай «раздувает миф о некоем совместном американо-исламском заговоре». Но, к сожалению, это не миф, а суровая реальность. Александр дель Валле написал на эту тему большой труд, который так и называется: «Исламизм и США: союз против Европы». Лозанна, 1997. В нем он показал духовное сродство между американским кальвинизмом и саудовским ваххабизмом, между пуританами от христианства и от ислама, стремящимися «очистить» Землю от такой «нечисти», как жизнь. И этот «мифический», по уверению мусульманского холуя Игнатъева, союз, через два года после издания вышеупомянутой книги превратился в жестокую реальность: в кровавую американо-исламскую агрессию против православной Югославии, осужденную Ватиканом. Православие и католицизм вроде бы враги, но с точки зрения кальвинистов и ваххабитов они отравлены язычеством, так это от них тоже надо «очистить Землю».

Я помню, во время одной дискуссии на телевидении, где речь зашла о том, что мусульмане где-то кого-то убивали (а они только этим и занимались на протя-

жении всей истории), одна молодая мусульманка в простоте душевной воскликнула: «Так ведь это были язычники!» Этих, надо понимать, можно. Г-н Игнатьев, я полагаю, с этим согласен.

Почему г-н Игнатьев специализировался на санскрите? Ему бы прямой смысл зубрить арабский и восхвалять на этом звучном языке, скажем, подвиги Махмуда Газневи в Соманатхе, где он разгромил храм Шивы и убил 50 000 человек. А всего мусульмане уничтожили в Индии 60 000 индуистских храмов, в том числе храм на месте рождения Рамы в Айодхье. Или разрушение мусульманами великого буддийского университета Нраланда в 1197 году – чем не повод для восторгов?

Тут могут помянуть недобрым словом коммунистов, тоже разрушавших церкви. А чему удивляться? один и тот же злобный дух пустыни, жаждущий превратить в пустыню весь мир, бушевал и в коммунизме, и в исламе, уничтожившем великую культуру Индии, и в христианстве: «кроткие» последователи Христа тоже сломали немало прекрасных памятников античного мира.

Джавахарлал Неру писал о духовном родстве индийской и древнегреческой культур. А у г-на Игнатьева Древняя Греция никаких ассоциаций не вызывает, кроме той, что там процветал гомосексуализм. Не было ни великой философии, ни бессмертной драматургии, ни непревзойденных произведений искусства, ни подвигов тех героев, которые остановили нашествие азиатского деспотизма – был один лишь гомосексуализм.

Сбылось предсказание Венички Ерофеева: «Если арабов с иудеями примирить, что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм».

Не всех, конечно, людей, но в скорбной голове г-на Игнатьева он, несомненно, занимает неподобающе большое место. Как говорил Ницше, «для свиньи все превращается в свинью». А здесь перед нами даже не свинья, а скунс какой-то.

Остальное место в вышеупомянутой емкости занимают какие-то обрывки и огрызки знаний. В его глазах «новые правые» это дарвинисты, помешанные на биологии, а стало быть, исповедующие принцип: «Сильные выживают, а слабые сдыхают». Представления о дарвинизме у г-на Игнатьева, похоже, самые примитивные и дикие, упомянутый им «принцип» придуман тупыми антидарвинистами, а те, кто действительно изучал Дарвина, знают, что ничего подобного этот ученый не утверждал. Выживают в борьбе за существование не «сильные» – динозавры были очень сильными – а наиболее приспособленные. Приспособленность же это отнюдь не синоним силы и даже не признак умственного превосходства. Русский биолог А.Н. Северцов показал, что к числу наиболее про-

цветающих видов относятся паразиты, виды, с биологической точки зрения, выродившиеся. Если г-ну Игнатьеву нужны примеры из жизни человеческих обществ, пусть другие ему подскажут; сам он своим умишком до этого не дойдет, а мне противно для него все разжевывать.

И никто не «помешан» на биологии. Наука существует для того, чтобы ее изучать, и применять полученные выводы на практике, а не для того, чтобы на ней «зацикливаться». Изучение законов биологической эволюции позволяет лучше понять законы развития рас и народов. Г-н Игнатьев читал работу Алена де Бенуа «Что такое расизм?», он на нее ссылается, но, похоже, что такое расизм и не понял, «иных глаголов смысла не постиг», если обзывает Г. Фая «расистом», уподобляясь тем самым доносчикам из кампании г-на Брода. Алэн де Бенуа проводит четкое разграничение: одно дело признавать расу одним из факторов, пусть даже главным, но одним среди прочих, в развитии человечества, другое – выстраивать иерархию рас, делить их на «высшие» и «низшие». Против такого деления выступали, кстати, и корифеи немецкой расологии Ойген Фишер и Ганс Ф.К. Гюнтер: они считали, что подобные определения субъективны, всяк кулик свое болото хвалит, а объективных критериев для установления подобной градации нет.

«Европа» и «Запад» это действительно разные понятия, разводит их не один Фай, и ничего «демагогического» в этом нет. Сегодняшняя т.н. «западная культура», называть которую культурой можно разве что в состоянии умопомрачения, это американизированная массовая культура, отравление которой в России принимает уже не меньшие масштабы, чем в Европе. С традиционной европейской и русской культурой она, разумеется, ничего общего не имеет. Европейская культура, даже если считать ее умершей, хотя слухи о ее смерти «несколько преувеличены», нам отнюдь не чужда: еще Достоевский писал о Европе как о кладбище с дорогами для нас могилами. Мы и европейцы – люди одной крови, отсюда и родство наших культур, и это понимают те, у кого кровь еще не превратилась в косметический краситель. Но каким же выродком надо быть, чтобы объявить поражение османских войск под Веной в 1683 году «печальным событием»! Очевидно, битвы при Пуатье и на Куликовом поле для г-на Игнатьева тоже печальные события, а Карл Мартелл, Дмитрий Донской и Ян Собеский – не героические защитники Европы, а преступники перед Историей? Говорят, нет предела совершенству, но извращенности тоже нет предела. Г-н Игнатьев – готовый экспонат для Кунсткамеры.

По мнению означенного экспоната, «в истории всегда новое и яркое возникало на месте ветхого и тусклого». Во-первых, не всегда: рассвет христианской Европы был еще более тусклым, чем закат античного мира. Во-вторых, если г-н

Игнатъев такой любитель яркого, то почему бы ему не возлюбить нынешнюю американизированную лже-культуру? Она ведь такая яркая!

Европоцентризм неприемлем для нас, когда этот «центр» слишком сужается, ограничивается пределами одной лишь Западной Европы, т.н. «каролингского полюса», на котором и вправду «зациклены» и А. де Бенуа, и Г. Фай, и Ж. Парвулеско, и многие другие. Нынешние руководители России очень правильно говорят о многополярности мира; столь же правомерно поставить в историческом и современном плане вопрос о многополярности Европы. На востоке нашего континента в каролингские времена существовал другой полюс – Киевский, и отношения между этими полюсами были вполне дружескими, пока через Европу не пробежала черная кошка церковного раскола. Двухполярной Европа стала еще раньше, когда Римская империя распалась на две части. Западная ее часть, действительно, рухнула под напором варваров, но восточная устояла и держалась еще долго. Некогда разрушенная Греция, объединенная сначала лишь под македонским, а потом под римским господством, обрела единство в своей новой исторической форме, как Византия, благодаря новой религии – христианству. Борясь с «язычеством», она все же сохранила какую-то часть античной культуры, подобно тому, как русские коммунисты, начав с выбрасывания классики за борт, потом сумели использовать ее в своих целях.

Г-ну Игнатъеву, как и положено извращенцу, нравится, что «смуглые пастухи будут пасти на полях Европы своих овец». А, может, и не будут? Он считает новое Великое переселение народов неизбежным. Но всегда ли истина глаголет устами кретина?

Ж. Распай написал страшный роман-пророчество «Стан святых» о нашествии азиатских варваров на Европу. Название и эпиграф взяты из Апокалипсиса (20, 7-9), где говорится о народах, находящихся на четырех углах земли и многочисленных, как песок морской. «И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный». Но конец, который опущен в эпиграфе, вполне оптимистический: «И ниспал огонь с неба от Бога, и пожрал их». Не было во времена Великого переселения народов оружия массового уничтожения, вот беда-то. А сейчас есть. Так что посмотрим, чье пророчество сбудется: апостола Иоанна или апостата Игнатъева?

Г-ну Игнатъеву не нравится лозунг «органической демократии», «когда правом голоса обладают только представители «коренного этноса». Он проливает крокодильевы слезы, печалуясь о судьбе русских, «вкусивших» подобной демократии в Латвии и Эстонии. А о судьбе русских в самой России он, гад, не думает? О том, что русский народ не обладает правосубъективностью и юридически не существует как таковой? О том, что не где-то в Прибалтике, а в республиках

РФ, которым Конституцией официально дарован статус «государств», – в Татарстане, в Башкирии, в Якутии, в ряде республик Северного Кавказа фактически существуют этнократические режимы, а русские низведены на уровень граждан второго сорта? Центральные власти смотрят на это сквозь пальцы, потому что самодержавные властелины этих республик обеспечивают максимальное число липовых голосов за «Единую Россию».

Речь вовсе не идет об избирательном праве «только для коренного этноса». Лозунг «Россия для русских» вызывает бешеную злобу у людей игнатьевского типа, прислуживающих инородцам, потому что он не совсем четко сформулирован. Все граждане России должны в равной мере обладать правом голоса, никаких людей второго сорта у нас не должно быть, но фактически они есть: это русские. И лозунг, который они выдвигают – не «Россия **только** для русских», такой лозунг действительно был бы неприемлем, а «Россия **и** для русских», а не только для татар, башкир, якутов, евреев и «лиц кавказской национальности».

Г-н Игнатьев, как и положено шулеру от идеологии, ставит на одну доску антикоммунизм и исламофобию, приписывая оба эти греха «новым правым». Однако, такой авторитетный в этой среде человек, как Жан Тириар, еще в 80-х годах прошлого века выступал за объединение Европы и России, тогда еще Советского Союза, под эгидой последнего. Яркий пример антикоммунизма, не правда ли? У Тириара к коммунистам была только одна претензия: он жалел, что они не читали Парето.

У нас в России сегодня самые ярые антикоммунисты вовсе не те, кто когда-то бряцал кандалами, а наоборот, те, кто при Советской власти очень даже процветал. А теперь они мстят ей за свои прошлые страхи, за кукиши в кармане, за боязнь открыто высказаться. Г-н Игнатьев, «заставший еще советские времена», похвально тем, что «никогда тогда рабом себя не чувствовал». Вполне возможно, если он вел себя тихо, помалкивал в тряпочку, со незаконными не вменился, не диссидентствовал, а потому не сидел ни в тюрьме, ни в лагере, ни в психушке. Хотя, когда несчастных интеллигентов, даже ни в чем не повинных, гоняли из-под палки в колхозы и на овощные базы, возможность почувствовать себя рабами у них все-таки была, если только чувства у них не атрофировались от тупой покорности. Я лично с молодости воевал против коммунистов, они меня за это трижды сажали, но сегодня у меня нет никакого желания отплясывать дикарский танец торжества на шкуре убитого льва, и на выборах я голосую за коммунистов. И у наших западных друзей их былой антикоммунизм тоже проходит с исчезновением угрозы коммунизма.

Г. Фай – не специалист по русской истории, и если он где-то назвал Сталина тираном, это еще не повод для того, чтобы на него окрыситься. Кстати, пер-

вые греческие тираны были весьма позитивными фигурами и сделали много добра, это лишь позже слово «тиран» обрело негативный смысл. Я сам долго ненавидел Сталина и смог объективно оценить его деятельность лишь в работе «Логика кошмара», написанной в 1978 году, причем начал я ее писать с одним настроением, а кончил совсем с другим.

Исламофобия – явление совсем иного порядка, нежели антикоммунизм. Коммунистической угрозы сегодня больше нет, зато агрессивный, воинствующий исламизм представляет собой сегодня такую же угрозу для мира во всем мире, какой был германский нацизм в 30-х—40-х годах прошлого века, и агрессия эта проявляется везде от Балкан и Северного Кавказа до Синьцзяна, Кашмира и Филиппин, так что профессиональным антифашистам следовало бы перестать грызть череп мертвого врага, как Уголино в дантовом аду, а переквалифицироваться из антифашистов в антиисламисты, но боязно.

«Мало-мальски образованному человеку – заливаается, не вставая с колен, патологический исламофил Игнатъев, – известно, что в Арабском халифате, а позже и в государствах, образовавшихся на его обломках, жизнь была намного более свободная и культурная, чем в Европе тогдашнего времени с ее массовыми преследованиями еретиков». Если «мало-мальским образованием» будет заниматься г-н Игнатъев, кто-нибудь в это и поверит. Но если выйти за дозволенные Игнатъевым «мало-мальские пределы», мы увидим, что арабы, действительно, сначала очень терпимо относились к жителям завоеванных стран. Омейяды и первые Аббасиды были в общем очень веротерпимыми – не в пример хотя бы византийским императорам этого же периода. Однако уже при знаменитом герое арабских сказок Харун-ар-Рашиде (786—809) начались преследования иноверцев, разрушение церквей, правовые ограничения для христиан, евреев и зороастрийцев. Эти ограничения были усилены при халифе аль-Мутаваккиле (847—861). Официальный ислам становится все более и более нетерпимым (И.П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV веках. Лен. ун-т, 1966, с.95-96, 212), а в Европе массовые преследования еретиков начались лишь 400 лет спустя. Якобы из-за того, что крестоносцы в 1204 году разграбили и захватили Константинополь (за что они, кстати, были прокляты папой), афонские монахи в 1453 году предпочли власть султана союзу с папой, сочтя, что «лучше чалма, чем тиара». Были сказаны эти глупые слова или нет, но еще раньше, в 1439 году, несмотря на события 1204 года, была заключена Флорентийская уния именно с целью спастись от «чалмы». Но европейские государи, несмотря на призыв папы, не пришли на помощь Византии, и выбор «чалмы» стал вынужденным отнюдь не из симпатии к этому головному убору.

Если когда-то, в далекие времена, ислам и проявлял терпимость, то говорить о терпимости современного ислама можно лишь будучи очень большим олухом или за очень большие деньги.

Свою извращенную любовь к исламу г-н Игнатъев объясняет тем, что кроме ислама американизму в цивилизационном плане никто и не противостоит, и непосредственная тяжесть борьбы с ним падает именно на плечи мусульман. Г-на Игнатъева радуют новости о нападениях талибов на американцев и их союзников в Афганистане, хотя больших мракобесов, чем талибы, трудно себе представить: за одно уничтожение ими статуй Будды, простоявших тысячелетия, весь Афганистан стоило стереть с лица земли. Но талибы сами, как известно, – творение США, и если здесь повторилась старая история Франкенштейна, это еще не повод для воспевания монстров. Но Афганистан заслуживает вышеупомянутой участи не только за оскорбление Будды, но и по более веским материальным причинам. Как известно, эта страна является сегодня главным центром производства и распространения наркотиков. Менее известно, что главные организаторы наркоторговли – американские и пакистанские спецслужбы, для которых это грязное занятие – источник огромных денежных средств и способ тихого уничтожения народов, рассматриваемых как противники. Точно так же англичане в XIX веке травили опиумом Китай и воевали с ним, когда он пытался воспрепятствовать этому. И нам все равно, кто будет травить нас афганским опиумом, американцы или талибы, и если они ведут сегодня между собой борьбу за это право, то пожелание может быть лишь одно: пусть они взаимно уничтожают друг друга, чем больше – тем лучше.

То, что проект Евросибери это утопия, прекрасно понимает и признает сам Г. Фай, но это позитивная утопия, с перспективой на будущее. Возможно, думая именно об этой перспективе, Д.А. Медведев и привез руководителей Евросоюза в Хабаровск – пусть для начала полюбуются сибирскими просторами, получат чисто эстетические впечатления, а потом, глядишь, и думать начнут, если американцы еще не совсем выбили из них эту способность. И нам совершенно безразлично, что г-н Игнатъев, наоборот, считает эту утопию «опасной», вопит о невозможности слияния России с Европой, ссылаясь при этом на «авторитет» морального уродца Льва Гумилева, человека, который возлюбил татар и монголов паче собственного народа, проповедника евразийства, которое я лично определяю как идеологию людей с порченной кровью. Но Игнатъев ломится в открытые ворота: ни о каком «слиянии» речь не идет, а только о союзе, возможно, в форме конфедерации.

Г-н Игнатъев пытается привлечь на свою сторону А.Н. Севастьянова, пользуясь при этом своим обычным методом извращения чужих мыслей. Севастьянов против «искусственной идентификации России как фрагмента западной цивилиза-

ции», и в данном случае, если буквально следовать его формулировке, он прав, Россия, безусловно, никакой не «фрагмент», а самодовлеющее целое. Но выше я уже говорил о многополярности Европы («Три Европы» – так и назывался мой доклад на 2-й Московской международной конференции в июле 2007 года), а полюс и фрагмент это совершенно разные понятия. Мы – другая Европа, но все-таки Европа, подобно тому, как нордическая раса и восточно-балтийская раса это разные расы, но входят они в состав одной большой европеоидной расы, а славянские, германские и романские языки принадлежат к одной индоевропейской семье.

Г-на Игнатьева возмущает, что тема китайской угрозы, столь волнующая умы многих российских патриотов, почему-то совершенно не волнует Г. Фая, который видит Китай только в качестве союзника Евросибири. Но ведь г-н Игнатьев только что пытался уцепиться за фалды А.Н. Севастьянова, а ведь А.Н. Севастьянов тоже выступает, как и Г. Фай, за союз с Китаем. Ислам угрожает России на Северном Кавказе и потенциально в Поволжье, Китаю – в Синьцзяне, Индии – в Кашмире; наличие общей угрозы – вполне реальная основа для союза.

В цивилизационном плане американизму противостоят только Китай и Индия. Исламизм же – только конкурент американизма в борьбе за тоталитарную власть над миром, и выбор между ними ничуть не лучше выбора между чумой и холерой.

Г-н Игнатьев пытается уложить Г. Фая в рамки своего убогого политического словаря, определяя его как «типичного воинствующего западного либерала или консервативного либерала». У нас на патриотических митингах часто приходится слышать песню о либерале, который изображается в ней как воплощение всех зол. Я согласен с этой оценкой и люблю повторять формулу: «Бандиты, конечно, опасны и омерзительны, но еще опасней и омерзительней либерал». Вот только к Г. Фаю это определение никак не подходит, и уж тем более «консерватор»: Г. Фай – радикальный противник ныне существующей на Западе системы, которую он считает «системой убийства народов» – так называется одна из его книг. У него нет ничего общего с т.н. «неоконсерваторами», группой агрессивных евреев, определявших политику обоих Бушей. Сам термин «консерватизм» вызывает у нас отвращение: как говорит г-н Пьер Кребс, руководитель Туле-семинара, от него слишком отдает консервами.

Книга Г. Фая, в которую вцепился г-н Игнатьев, называется «За что мы сражаемся». О том, против чего мы сражаемся, в ней рассказано достаточно полно и верно, а вот когда мы переходим к вопросу «за что», тут начинаются неясности. В предисловии к своей книге г-н Фай призывает всех объединиться вокруг не-

скольких четких идей, но, как я с сожалением отметил в своей речи «Реквием или Реконкиста» на 1-м Московской международной конференции в июне 2006 года, этих четких идей, которые могли бы послужить основой для объединения, у него как раз и нет (их сейчас, практически, вообще нет). В этом беда Г. Фая, а не в том, в чем его обвиняет г-н Игнатъев, способный лишь на лизание сапог Гейдара Джемалая, а не на анализ идеологий и политических ситуаций.

Г-ну Игнатъеву не нравится, что из «новых правых» «прет гуманизм». Зато если что прет из него самого, это антигуманизм, античеловечность, барское презрение к народу. И он еще кого-то обзывает «нациками»! Да он сам разносчик чумы, только не коричневой, а какого-то другого цвета, похожего на цвет детского поноса.

Помню стихи военных времен: «Избавить мир, планету от чумы – вот гуманизм, и гуманисты – мы!» И приходит на память еще один шуточный стишок-каламбур 60-х годов XIX века о том, как избавиться от зла: Гнать, и гнать, и гнать его!

Читатели тех времен понимали, что здесь зашифровано: «Гнать и гнать Игнатъева!»

Имелся в виду, конечно, другой Игнатъев, но рецепт остается в силе до сих пор.

* * *

И еще одна статья г-на Игнатъева попала мне в руки (после первой руки пришлось долго мыть). Называется она «Ориентация – Юг». В этом вопросе я бы, пожалуй, даже поддержал г-на Игнатъева, если бы он вообще сохранял способность к какой бы то ни было ориентации, но она у него безнадежно сбита и похожа на тот испорченный компас, под который в романе Ж. Верна «Пятнадцатилетний капитан» злодей Негоро подложил топор. Роль топора в данном случае играет Гейдар Джемаль.

Мне самому не нравятся бесконечные дифирамбы в адрес нордической расы, какая она замечательная и прекрасная, и как все в мире было создано только ею и никем другим. Более десяти лет назад в стихотворении «Духовный пир во время чумы» (подражание В. Высоцкому) я писал:

*Я не люблю нордического чванства;
И викингов, и мрачных их богов.
Они враги извечные славянства –
Не поклоняйтесь идолам врагов!*

Я, действительно, не люблю нордическую расу за ее высокомерие, бахвальство и за отсутствие сострадания к людям, в чем ее упрекал даже Ганс Ф.К. Гюнтер. Английский медик Роберт Нокс, сам, будучи представителем нордической (как он ее называл «саксонской») расы, признавал в своей книге «Человеческие расы» (Филадельфия, 1850), что для этой расы характерен «безжалостный эгоизм», что она «ничего не изобретает», что ее «вкус в изящных искусствах, в музыке – ниже некуда», а музыкального слуха у нее вообще нет. Он мог бы добавить, что нет у нее и способности к философии.

Я уже много лет тесно сотрудничаю с В.Б. Авдеевым, но, когда мне уже, как говорится, плешь переели его бесконечные дифирамбы в адрес нордической расы, я напечатал в газете «Stringer» (№14, декабрь 2002) статью «Посмотрите черепа!», в которой высказал все, что я по этому поводу думаю.

Знаменательный, кстати, факт: почти все крупнейшие немецкие расологи – родом из земли Баден-Вюртемберг, самой «ненордической» части Германии, как и самые выдающиеся немецкие философы и поэты.

Но когда о расах начинает рассуждать г-н Игнатъев, сразу вспоминаются кадры из старого стереофильма «Карандаш на льду». Я ранее уже отметил, что, имея перед глазами некий абстрактный протестантизм, он упустил из вида принципиальные различия между лютеранством и кальвинизмом. Еще раз повторю, что лютеранство это действительно религия нордической расы, а кальвинизм впитал в себя все пороки Ветхого Завета, и свои претензии г-н Игнатъев должен предъявлять именно к нему, а не к протестантизму вообще. Откуда сия напасть – тема особого разговора, она увела бы нас слишком далеко в сторону; для начала пусть г-н Игнатъев почитает хотя бы главу «Голем» из книги Мигеля Серрано «Ману» – она есть в русском переводе.

За что же, спрашивается, возлюбил г-н Игнатъев Юг в противовес Северу? оказывается, за то, что он стал «оплотом воинствующего консерватизма». По его словам, «все мощные самобытные движения и режимы в Европе 20-х—40-х годов прошлого столетия были связаны именно с южными странами». Но тут уж давайте разбираться по методу, который рекомендует В.В. Путин: мухи отдельно, котлеты отдельно. «Мощные и самобытные движения» не были консервативными, а консервативные режимы не были «мощными и самобытными».

Нашел кого восхвалять г-н Игнатъев! «Новое государство» Салазара! Да что в нем было нового? Что, это был маяк, сияющий на всю Европу? Да нет, это было реакционное европейское захолустье. Некрасов в своей знаменитой поэме удивительным образом предсказал конец салазаровской Португалии. Помните, у него помещика хватил удар после манифеста об освобождении крестьян, а

наследники уговорили крестьян вести себя так, словно крепостное право не отменено. Этот мрачный фарс реализовался на наших глазах в масштабах целой страны: после того, как Салазара хватил удар, вся страна продолжала изображать свои верноподданнические чувства перед уже ничего не соображавшим диктатором. Да здравствует Юг! Португальцы – какой восторг! Кстати, в былые времена Португалию не относили к Европе, говорили «Европа и Португалия».

Возьмем соседнюю Испанию. Здесь «мощное и самобытное» в лице Испанской Фаланги было раздавлено чугунным задом консервативного франкистского режима. Хосе Антонио «повезло»: его расстреляли республиканцы, и Франко создал культ вокруг его имени, а остался он жив, его бы упрятали на много лет в тюрьму, как Эдилью (подробнее об этом см. в моей статье «Фаланга, разбитая «своими». «Атеней», No.3-4). И точно так же в Португалии, аналог Испанской Фаланги, национал-синдикалистское движение Ролао Прето, просуществовало всего два года, с 1932 по 1933 год.

«Железная гвардия» в Румынии, вождь которой Кодряну погиб в королевской тюрьме, тоже потерпела поражение в борьбе за власть с консервативным режимом генерала Антонеску.

Очень нравится г-ну Игнатьеву [Габриэле д'Аннунцио](#) как «первый пример типа тоталитарного вождя». Если это и пример, то он годен скорее в качестве иллюстрации к работам Л.Ф. Клаусса по расовой психологии, там, где речь у него заходит о психическом типе средиземноморской расы. Л.Ф. Клаусс использовал для его характеристики термин «человек внешних эффектов» или, попросту говоря, «человек показушный». Тип этот был глубоко антипатичен Ю. Эволе, который, сам, будучи итальянцем, по части «нордизма» мог дать сто очков вперед любому немцу. Вследствие этого у меня сложилось крайне отрицательное отношение к Эволе, которое я и выразил в работе «Тепло жизни и холод смерти. Ницше и Эвола», написанной в 1996 году и опубликованной в первом номере журнала «Атеней».

Таким же «показушным человеком» был и Муссолини. Он тоже пошел на поводу у реакционных сил: оставил у власти короля, заключил конкордат с папой, отодвинул на задний план руководителя левого крыла партии Фариначчи, но именно реакционеры, консерваторы и предали его в 1943 году (как Гитлера в 1944), а Фариначчи остался ему верен. Муссолини создал республику Сало, когда его часы были уже сочтены, а с этого надо было начинать.

Опыт фашистской Италии доказал бессилие и бесплодие Юга, а не его способность быть «ориентиром», на что уповаet г-н Игнатьев.

Наконец, Германия. Да, НСДАП возникла в Баварии, но разве делает честь этой земле, что в ней возникла такая партия? Ведь г-н Игнатъев не любит «нациков», почему же он восхваляет землю, их породившую? Или сам такой?

А с какой стати в сферу нордической протестантской Европы попал у г-на Игнатъева Леон Дегрель, вождь сугубо католического движения «Christus Rex» в валлонской Бельгии? Он, кстати, имел большой успех на выборах в Бельгии – на выборах всего через 3 месяца после основания своей партии в 1936 году он получил 11,5% голосов. А Квислинг в том же году провалился не по расовым мотивам, а потому что его ненавидели в Норвегии уже тогда – в бытность его военным министром в 1931 году армия расстреляла рабочих-забастовщиков. А о Мосли г-н Игнатъев помнит только, что его арестовали в 1940 году, но он забыл, что в июле 1939 года накануне войны Мосли собрал 40-тысячный митинг в Лондоне. Очень выборочная память у г-на Игнатъева.

Лучше всех разобрался с баварским происхождением нацизма Жан Мабир. В своей знаменитой статье «Фашизм как тупик» он более двадцати раз повторил тезис: «Я не фашист», каждый раз давая ему новое обоснование. Он не был фашистом, в частности, потому что считал, что «понятие свободы это фундаментальное понятие, которое с трудом воспринимается иными народами, кроме нордических». «Фашизм это, прежде всего, «универсальный» способ правления, а не глубокое выражение духа европейских народов» (Мабир упоминал здесь египетский фашизм Насера и фашизм «черных мусульман» в США). «Можно утверждать, что традиционное понимание личной свободы, столь ярко выраженное в странах Севера Европы, внутренне противоположно фашизму, и что гитлеровское движение с его централизаторской и римской концепцией государства было настоящей изменой тому наследию, на которое оно претендовало. Это противоречие не ускользнуло от внимания некоторых немцев, и эволюция режима к этатизму, т.е. к фашизму, все более вынуждала к молчанию хранителей нордического идеала».

Ж. Мабир писал, что он слишком привязан к подлинному духу германской свободы, чтобы примкнуть к фашизму, этой по сути южной концепции государства с ее театральным коллективизмом, шествиями римских легионов и похвальбой с балкона». (Jean Mabize. *La torche et la glaive*. Ed Libus Opinions. Paris, 1924).

В книге Ж. Мабира «Туле» вымышленный или реальный персонаж говорит: «В Германии царил самый узкий пангерманизм. Все эти гаулейтеры родом с юга или запада Германии ничего не понимали в славянском мире. Вы задумывались уже о том, сколь малое значение имели в III Рейхе, который стремился изобразить себя таким «нордическим», немцы с севера и с востока?» (Jean Mabize. *Thule*. Editions du Trident. Paris, 1986).

Г-на Игнатьева возмущает, что Север Европы остался чужд столь «благородным» начинаниям Юга, как захват Фиуме или пивной путч. Руководители III Рейха тоже были очень удивлены: согласно их примитивной логике, в скандинавских странах, этом «резервуаре чистой нордической крови», их должны были встретить с распростертыми объятиями, а встретили с холодной отчужденностью. И понятно, почему: почуяли чуждый духу нордической свободы тоталитарный дух юга.

При всех недостатках нордической расы, у нее есть, по крайней мере, одно достоинство: любовь к свободе. Когда же «нордизм» и «вождизм» запускают в одной упряжке, то это лишь попытка совместить несовместимое.

Современное моральное разложение в скандинавских странах, в которое злобно тычет своим перстом г-н Игнатьев, – явление вполне естественное, не в том смысле, что эти страны были от природы предрасположены к обличаемым пророкам Игнатьевым порокам, а в том, что и самая высококачественная кровь может загнить от бездействия. Скандинавские страны уже двести лет не ведут активной внешней политики – ну и чего вы после этого хотите?

Г-н Игнатьев противопоставляет этому Северу Юг, но не тем Югом он восхищается. Древние греки, как мы знаем, для него всего лишь «пидарасы», а кем еще восхищаться, как не ими? Как писал Г. Гейне

*...в мире есть две партии всегда:
Здесь варвары, а там – сыны Эллады.*

О каких именно «варварах» идет речь, пояснял сам же Гейне:

*Прекрасный грек – и мрачный иудей!
Везде контраст пред любопытным взором.*

И все европейцы набиваются в ближайшие родственники к грекам. Немцы ссылаются при этом на то, что древние греки якобы тоже принадлежали к «нордической расе», и к тому же немецкие ученые и писатели внесли наибольший вклад в изучение древней Греции, русские козыряют тем, что приняли «греческую веру» непосредственное от Византии, преемницы древней Греции, итальянцы – на наличие древних греческих колоний на их земле ну и т.д. И только г-на Игнатьева это родство не устраивает. «Усю Одессу встраивает, а его, пижона, не встраивает». Он предпочитает турок и арабов и с восхищением воспроизводит описание разношерстной казачьей массы, не преминув при этом, по своему обыкновению, в силу привычки, оболгать и казаков.

По его словам, «у нас именно юг всегда был оплотом консерватизма». Да учились ли Вы хотя бы в начальной школе, г-н Игнатъев? Кто играл главную роль в Смуте на Руси после смерти Бориса Годунова? Казаки. А про восстание Степана Разина вы помните? Песни о Разине хотя бы слышали? А имя Кондратия Булавина вам что-нибудь говорит? А о Пугачеве вы читали хотя бы у Пушкина? Цитаделью бунтарства, а не «оплотом консерватизма» было казачество более полутора веков.

Да и у того же Шолохова что написано про казачье восстание на Дону? Что казаки установили у себя «советскую власть без коммунистов». А Вы помните, как белые генералы расправились с вождями кубанского казачества? За «консерватизм», не иначе.

Ну не хочет г-н Игнатъев спасти нордическую расу – ладно, как-нибудь перебежеся. Ну не любит он древнюю Грецию – так она в его любви и не нуждается. Пусть сидит себе в своей консервной банке фирмы «Гейдар Джемаль & Талибан», защищенный ее жестяными стенками от реального мира, но выступать из этой банки, как с трибуны? Это что-то новое в ихтиологии. Но только в ней!

А. Иванов

25-28 мая 2009 г.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).